

© 2014 г.

В.П. МИТРОФАНОВ

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ РЫНОК В АНглиИ И ПОЛИТИКА ТЮДОРОВ И ПЕРВЫХ СТЮАРТОВ (1550–1640 годы)

Современное состояние изученности аграрной истории Англии XVI–XVII вв. позволяет говорить об определенной аграрной политике монархии Тюдоров и первых Стюартов¹. Как известно, формирование единого национального рынка является необходимым условием генезиса капитализма и развития экономики². Важной частью его становится продовольственный рынок. В Англии на его развитие активно влияли такие факторы, как сокращение занятости населения в аграрной сфере, рост числа наемных рабочих на мануфактурах, зарождение мирового рынка в связи с Великими географическими открытиями, последовавшая за этим “революция цен” и происходившая перестройка сельского хозяйства на капиталистический лад. Последнее явление было связано не только с огораживаниями пахотных земель лендлордами, но и с переходом крестьян и фермеров во многих манорах от системы открытых полей к выделенной системе землепользования. Это тоже повлияло на состояние продовольственного рынка. В таких условиях приобрела особую важность государственная политика в продовольственном сегменте национального рынка, ибо от ее направленности и эффективности напрямую зависела социальная обстановка в королевстве. В англоязычной историографии наблюдается понимание значимости государственного регулирования продовольственного рынка Тюдорами и первыми Стюартами. Однако исследовали данный вопрос лишь немногие авторы, хотя отдельные его аспекты историки касались не раз. Так, Дж. Роджерс рассматривал данные о ценах на продовольственном рынке в контексте динамики заработной платы наемных работников³, С. Гардинер – монополии в таких отраслях, как пивоварение, выпечка хлеба, приводя примеры патентов на про-

Митрофанов Владимир Петрович – доктор исторических наук, профессор Пензенского государственного университета.

¹ *Савин А.Н.* Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903; *Семёнов В.Ф.* Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. М. – Л., 1949; *Архангельский С.И.* Крестьянские движения в Англии в 40–50-х годах XVII века. М., 1960; *The Agrarian History of England and Wales*, v. IV. Cambridge, 1967; *Kerridge E.* Agrarian Problems in the Sixteenth Century and After. London, 1969; *Kusssmaul A.* A General View of the Rural Economic of England, 1538–1840. Cambridge, 1990; *idem.* The Common Fields of England. Manchester, 1992; *Overton M.* Agricultural Revolution in England: The Transformation of the Agrarian Economic, 1500–1850. Cambridge, 1996; *Винокурова М.В.* Мир английского манора (по земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI – начала XVII века). М., 2004.

² Единый национальный рынок сложился в Англии к XVI в. См. *Винокурова М.В., Дмитриева О.В., Федосов Д.Г.* Англия, Шотландия и Ирландия в конце XV – XVI веке. – Всемирная история, т. 3. М., 2013, с. 197.

³ *Роджерс Дж.* История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX век. М., 2011, с. 319–324.

изводство и торговлю этими товарами и содержание пивных⁴. Первое значительное исследование было посвящено эволюции зернового рынка в Англии на протяжении XII–XVIII вв., которое проделал в начале XX в. Н. Грас. Основное внимание применительно к периоду XVI–XVII вв. он уделил развитию столичного рынка зерна, отметив этапы его развития. Высказался он и о законодательстве о хлебной торговле, которое, по его мнению, было направлено против спекуляции зерном и обеспечение населения хлебом. Проанализировав хлебное законодательство и его выполнение на местах, он приходит к выводу, что свою главную задачу по налаживанию поставок зерна из регионов, в которых его было в изобилии, в регионы, где его не доставало, а также по обеспечению зерном городов оно не выполнило⁵. Автор видел взаимосвязь состояния земледелия, процесса огораживания пахотной земли и хлебного законодательства, что не всегда отмечали последующие англоязычные авторы в своих работах. Отметил он все большее понимание властями роли различных посредников в хлебной торговле. Грас также обратил внимание и на попытки первых Стюартов по созданию зернохранилищ, исследовал отдельные сегменты зернового рынка: торговлю пшеницей, ячменем, рожью и т.п. Говоря о внешней торговле зерном, Н. Грас полагал, что в период правления Елизаветы и первых Стюартов практика лицензирования экспортной торговли зерном достигла наивысшего развития⁶. Основная цель хлебных законов, по его мнению, состояла в том, чтобы не допустить спекуляции зерном и обеспечить население хлебом⁷. Эти тезисы стали господствующими в англосаксонской историографии. Тем не менее некоторые авторы высказывали несколько иные точки зрения. В частности, Ф. Янгс, исследуя прокламации Марии Тюдор о хлебной торговле, полагал, что причиной их издания было стремление отвести ненависть народа от короны в период голода⁸.

Исследованию лондонского продуктового рынка посвятил свою статью Ф. Фишер. Он отметил большую роль импортного продовольствия на столичном рынке, а также того, что поступало из ближайших графств. Например, зерно регулярно поступало из Норфолка и Эссекса⁹. Важнейшей причиной развития лондонского рынка автор считал бурный рост населения столицы. Среди ряда других работ англоязычных историков можно отметить статью У. Хоскинса об урожайности зерновых. Автор проследил динамику цен на зерновые и ее взаимосвязь с урожайностью, кратко отметив реакцию властей на рост или падение цен на зерновые¹⁰.

Значительное исследование продовольственного рынка в масштабе всего королевства проделал А. Ивритт¹¹. Его подход уже несколько отличался от подхода Н. Граса, который делал акцент на динамику столичного хлебного рынка и его воздействия на провинциальные рынки. А. Ивритт рассматривает в целом продовольственный рынок с точки зрения развития открытых рынков, которые довольно тщательно контролировались государством, и частную рыночную торговлю в провинции. Он подсчитал

⁴ *Gardiner S.* History of England From The Accession of James I to Outbreak of Civil War (1603–1642), v. IV. London, 1905, p. 1–9.

⁵ *Gras N.S.* The Evolution of the English Corn Market. Cambridge, 1915, p. 228–243, 139–146, 150–154, 242.

⁶ Только за один год (1593–1594 гг.) королева получила за выдачу лицензий на вывоз зерна 4664 ф. ст. 10 шиллингов и 6 пенсов (*ibid.*, p. 228).

⁷ *Ibid.*, p. 237.

⁸ *Youngs F.* The Proclamations of the Tudor Queens. Cambridge, 1976, p. 112.

⁹ *Fisher F.J.* The Development of the London Food Market 1540–1640. *Economic History Review*, 1935, v. 5, № 2, p. 50 (вся статья – 46–59).

¹⁰ *Hoskins W.H.* Harvest Fluctuations and English Economic History, 1400–1610. *Agricultural History Review*, X, pt. I. London, 1964, p. 32–38 (вся статья – 30–43). В самые неурожайные годы середины 1590-х годов, когда цены на зерно выросли выше нормы в два раза, по его мнению, положение в Англии все равно было значительно лучше, чем на континенте, где в Германии и Италии бедняки питались отбросами, кошками, собаками и змеями, а в Венгрии “татарские женщины даже поедали собственных детей” (*ibid.*, p. 38.)

¹¹ *Everitt A.* The Marketing of Agricultural Produce. – *The Agrarian History*, v. IV, p. 466–592.

количество местных рыночных центров, отметил их специализацию на том или ином виде продовольственных товаров, их размеры, топографию и ряд других технических аспектов¹². Характеризуя торговлю на открытых рынках, А. Ивритт отмечает их специализацию, сферу их влияния, их стремление к расширению и различные сложные моменты, возникавшие на этой почве. Значительное внимание, в отличие от Н. Граса, он уделяет частной рыночной торговле, которую официальные должностные лица не контролировали. Однако, по его мнению, разницу между этими двумя типами торговли трудно проследить, поскольку многие торговцы действовали в рамках обоих типов одновременно. Большой интерес представляют карты-схемы рыночных центров по регионам Англии, а также карта-схема охвата территории открытыми рынками. Затрагивая вопрос о регулировании внутренней рыночной торговли государством, А. Ивритт полагает, что основной причиной этого было желание властей гарантировать интересы потребителей, особенно бедняков. Вместе с тем британский историк говорит о дифференцированной правительственной политике в отношении продовольственного рынка в неурожайные годы и в годы изобилия, когда, например, снимались ограничения и ослаблялась регламентация рыночной торговли. Автор приходит к выводу, что правительственное регулирование в голодные годы было неэффективным¹³. Приводимый им интересный фактический материал дает хорошую панораму продовольственного рынка в Англии периода Тюдоров и первых Стюартов и позволяет определить направление для дальнейшего исследования интересующей нас проблемы. После выхода в свет в 1967 г. IV тома “Аграрной истории Англии и Уэльса” (частично переиздан в 1990 г., в том числе расширенная глава о продовольственном рынке, написанная А. Ивриттом)¹⁴ в англоязычной историографии можно также отметить работу американского историка Э. Эпплби о голодовках в тюдоровской и стюартовской Англии. Он, в частности, сравнивая голодные годы середины 1590-х годов и голод 1623 г., отмечает более значимый масштаб последнего, поскольку он затронул в большей или меньшей степени все графства королевства и происходил на фоне кризиса сукноделия. Вместе с тем Эпплби, как и другие англоязычные историки, отмечает заботу правительства о бедняках в годы голода, основным механизмом которой он считает регулирование рыночной торговли хлебопродуктами и цен на них¹⁵. Отметив демографические последствия голодных лет, историк не рассматривает их социальные и экономические последствия.

Британские и американские историки конца XX – начала XXI в. специально не обращались к проблеме продовольственного рынка в Англии раннего Нового времени. Лишь в последнее время некоторые из них обратились к изучению проблемы питания англичан того времени и некоторых других аспектов, связанных с продовольствием. В этом плане интерес представляет статья Ф. Хил о продовольственных подарках и обменах. Приводя множество случаев таких подарков в эпоху Тюдоров и Стюартов, она отметила, что даже монархам во время их разъездов по стране преподносили подарки продуктами, и приходит к выводу о большой роли таковых в повседневности и в аграрных отношениях англичан того времени¹⁶. Автор связывает это с еще существовавшими продуктовыми рентами даже в манорах аристократии, приводя пример графа Пемброка, который в 1575 г. получал от держателей в своих 22 манорах продуктовую ренту хлебом, 94 каплуна, 98 кур, 64 гуся и 960 голубей¹⁷.

¹² По его данным в королевстве из более 800 рыночных центров 133 специализировались на торговле зерном и хлебом, 26 – на солоде, 6 – на фруктах, 20 – на сыре и масле, 21 – на домашней птице и дичи, 30 – на рыбе.

¹³ *Everitt A.* Op. cit., p. 468, 470, 475, 490–505, 531–562, 579, 585.

¹⁴ *English Rural Society, 1500–1800.* Cambridge, 1990.

¹⁵ *Appleby A.* *Famine in Tudor and Stuart England.* Stanford, 1978, p. 114, 145–150.

¹⁶ *Heal F.* *Food Gifts, the Household and Politics of Exchange in Early Modern England.* Past & Present, № 199, May 2008, p. 61–62 (вся статья – 41–70).

¹⁷ *Ibid.*, p. 50. Очевидно сохранение в значительном объеме продуктовой ренты можно объяснить влиянием “революции цен”.

В отечественной историографии вопросов торговли продовольствием в период Тюдоров и первых Стюартов очень кратко касались некоторые исследователи, занимавшиеся аграрной и социальной историей Англии. Об исключительной важности хлебной торговли в плане генезиса капитализма в аграрной сфере писали еще М.А. Барг и В.М. Лавровский¹⁸, В.В. Штокмар, отметившая взаимосвязь законов о хлебной торговле и аграрной политики английской монархии второй половины XVI в. и считавшая, в частности, что установление невысоких пошлин на вывоз зерна в 1571 г. было новым моментом в попытках правительства заинтересовать джентри в занятии земледелием¹⁹. В постсоветский период данная проблема была частично затронута автором настоящих строк²⁰, а также в нескольких статьях молодых ученых²¹.

Как известно, королевская власть в средневековой Англии еще с XIV в. начинает регулирование торговли зерном. В XVI в. законодательное регулирование распространяется и на торговлю другими продовольственными товарами – мясом, сыром, маслом, солодом, пивом. Издаются целый ряд парламентских актов и королевских прокламаций, которые достаточно подробно регламентировали производство и торговлю этими продуктами на внутреннем рынке, а также определяли порядок экспорта зерна и другого продовольствия²². Однако в связи с превращением пахоты в пастбища и распространением овцеводства происходило общее сокращение производства товарного зерна крестьянами и фермерами. Поэтому уже правительства Эдуарда VI и Марии Тюдор начинают принимать некоторые юридические и административные способы по предотвращению нехватки зерна на продовольственном рынке страны.

Елизавета I Тюдор развивала “продовольственное” законодательство своих предшественников. Хотя при ней и продолжали издаваться законы о торговле зерном и другими продуктами, но больший упор делался на проведение конкретных мер на продовольственном рынке, осуществляемых Тайным советом через местные власти графств²³. Законы о торговле зерном становятся важной составной частью не только продовольственной, но и аграрной политики, что имело продолжение и в период

¹⁸ Барг М.А., Лавровский В.М. Английская буржуазная революция XVII века. М., 1958, с. 38. Позже М.А. Барг также отметил это на примере продовольственного рынка Лондона (см. Барг М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991, с. 57–58).

¹⁹ Штокмар В.В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Л., 1962. с. 14.

²⁰ Митрофанов В.П. Крестьяне и государство в Англии второй половины XVI – первой трети XVII вв. Н. Новгород, 2000, с. 100–105.

²¹ См.: Тетерина Е.А. Хлебный вопрос в политике Якова I Стюарта. – Известия ПГПУ, вып. I, ч. 2. Пенза, 2005, с. 85–87; *её же*. К вопросу о производстве и торговле пивом в Англии (1603–1640 гг.). – Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского. Н. Новгород, 2005, с. 130–134; Тетерина Е.В., Митрофанов В.П. Законодательное регулирование торговли хлебом и хлебопродуктами в Англии первой половины XVII в. – Там же, с. 74–78; Самойлова И.В. К вопросу о продовольственной политике Елизаветы I Тюдор в 1590-е годы. – Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского. Н. Новгород, 2005, с. 126–130; *её же*. Из истории внутренней политики английской монархии второй половины XVI в. (продовольственный аспект). – Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое время, вып. 4. Арзамас, 2005, с. 69–74; *её же*. Деятельность центральных и местных властей по обеспечению хлебных рынков Англии во второй половине XVI века. – Известия Самарского института РАН. Специальный выпуск. Самара, 2006, с. 87–91.

²² Statutes of the Realm of England, v. IV. London, 1819, 5 and 5 Edw. VI, с. 14, 25; 1 and 2 Phil. and Mary, с. 5; 4 and 5 Phil. and Mary, с. 9; 5 Eliz., с. 5, 12; 13 Eliz., с. 21; 39 Eliz., с. 16; 4 Jac. I, с. 5; 7 Jac. I, с. 16; 21 Jac. I, с. 7, 22; 1 Chas. I, с. 4; 3 Chas. I, с. 4 (далее – SR). Изданные прокламации за данный период см.: Tudor and Stuart Proclamations, v. I. Oxford, 1910 (далее – TSP).

²³ An Act Touching Badgers of Corn and Drovers of Cattle to be Licensed, An Act for Preservation of Grain, An Act for Increase of Tillage and cet., A Proclamation for Restrain of Transportation of Grain beyond the Sea, Proclamation Provided against Scarcity of Corn, A Proclamation for Restreing and Punishment of Foreswallers, Regraiters, and Ingrossers of Corn and Grain, and for the prohibition of Making of any Maner of Starch, within Her Maiesty Realm and Dominions.

правления первых Стюартов. Это было связано во многом с обострением вопроса продовольственного обеспечения населения в связи с неуклонным сокращением пахотных земель и рядом неурожайных лет (особенно в 1586, 1594–1597, 1608, 1613, 1617, 1622–1623, 1630–1631 гг.). Поэтому меры правительства в области хлебной торговли можно рассматривать и в контексте социальной политики английской монархии. Правда, помимо “хлебной” проблемы королевские сановники держали под контролем и некоторые другие вопросы, связанные с крестьянами, а тем самым и с состоянием продовольственного рынка страны. Прежде всего правительство стремилось не допустить сокращения пахотного земледелия среди крестьянских хозяйств, чьи земельные держания составляли не менее 20 акров. Принимались некоторые меры по расширению пахотных земель за счет осушения заболоченных территорий в восточных графствах и за счет сокращения посевов вайды. А при сдаче коронных маноров в аренду ставилось условие, чтобы арендаторы не сгоняли с земель старинных держателей, что позволило бы сохранить их сельскохозяйственные хозяйства²⁴. Не касаясь елизаветинских законов по ограничению огораживаний, отметим лишь, что почти одновременно с ними принимались и законы о торговле хлебом и хлебопродуктами, что само по себе свидетельствует о понимании королевой и ее кабинетом их тесной взаимосвязи. Примерно так же поступали и правительства первых Стюартов. В процессе парламентских дебатов по этим законопроектам связь земледелия и хлебного обеспечения населения также подчеркивалась депутатами в Палате общин²⁵. Основным момент здесь состоял в том, что крестьяне как производители зерна сталкивались с многочисленными перекупщиками зерна, коими могли быть как горожане, так и джентри. Но и сами крестьяне могли быть в числе перекупщиков и торговцев зерном. В статутах и прокламациях упоминается целый ряд категорий оптовых (*ingrossers, forestallers*) и розничных хлебных торговцев (*bakers, badgers, loders, common carriers*). И хотя их социальный статус не был обозначен, но под некоторыми из них, очевидно, подразумевались именно крестьяне и фермеры, поскольку объем их товарного зерна всегда был небольшим.

В целом правительство стремилось установить жёсткий контроль над торговлей зерном на хлебных рынках страны. Оно даже пыталось регулировать уровень максимальных цен на продаваемое зерно, что, естественно, не отвечало интересам земледельцев, продававшим его на рынках. Более того, уже прокламация Эдуарда VI от октября 1550 г. требовала от мировых судей заставлять крестьян поставлять зерно на ближайšie городские рынки²⁶. Очевидно, уже тогда начинается оттеснение крестьян с хлебных рынков многочисленными категориями торговцев хлебом. Некоторые из них просто скупали на корню всё крестьянское зерно, о чем упоминалось в законе о торговле хлебом, принятом парламентом в 1552 г.²⁷

С 1555 г. стала практиковаться выдача лицензий торговцам на право вывоза зерна за пределы королевства. Вряд ли это отвечало интересам крестьянства, так как неизбежно ограничивало число торговцев зерном, имевших разрешение на экспортную торговлю, а следовательно, сокращало число возможных покупателей его у крестьян. В свою очередь это неизбежно приводило к снижению закупочных цен и росту цен розничных. Многое в такой ситуации зависело от деятельности правительственных

²⁴ Особенно интенсивно процесс осушения заболоченных территорий происходил в 1620–1630-х годах, когда в нем участвовала нидерландская компания предпринимателей-осушителей во главе с К. Вермюнденом. См.: TSP, v. I, p. 84; *Митрофанов В.П.* Крестьяне и государство..., с. 63–87.

²⁵ См. A Compleat Journal of the Speeches and Debates, borth of the House of Lords and House of Commons Throughout the Whole the Reign of Queen Elizabeth. London, 1693, p. 49, 56, 70–73, 81, 83, 85, 131, 133, 188, 532, 536, 551–552, 556–558, 566, 572, 585–586, 588, 591–593, 623, 626, 660–662, 665, 667–669, 674, 688 (далее – *D'Ewes. Journal*).

²⁶ TSP, v. I, p. 40.

²⁷ SR, v. IV, 5 and 6 Edw. VI, c. 14.

чиновников, занимавшихся вопросами хлебной торговли. Особенно их роль возрастала в неурожайные годы, когда рост цен на зерно мог отрицательно сказаться на материальном положении тех крестьян, которые в большей мере занимались скотоводством, промыслами и иными не земледельческими видами деятельности. Так, например, в 1572 г., когда случился очередной неурожай на зерновые культуры в Сомерсетшире, правительство решило в административном порядке нажать на состоятельных крестьян соседнего графства Девоншир, чтобы те поставляли зерно на рынки Сомерсетшира. Для этого была создана специальная комиссия с правом вознаграждения осведомителей суммой до 75% от штрафов с укрывателей зерна. Естественно, подобные меры вызвали панику среди зажиточных крестьян и фермеров, и они стали еще лучше укрывать свое зерно от членов этой комиссии и от их добровольных помощников-осведомителей²⁸.

Яркую картину торговли хлебом на местных специализированных рынках дал Дж. Гаррисон. Он сообщал, что когда накануне Михайлова дня (29 сентября) крестьяне привозили зерно на рынки, чтобы продать его для уплаты своих ежегодных рент лендлордам, джентри не продавали в это время свое зерно, а наоборот, скупали его по низкой цене у бедных крестьян под предлогом, что им необходимо семенное зерно. Причем скупку производили на отдаленных от своего места жительства рынках, где их никто не знал. Если же их все-таки узнавали (и, очевидно, доносили о них рыночным клеркам), то они клятвенно обещали привезти на следующий рыночный день свое зерно для распродажи, однако сами же затем везли купленное зерно в другие рыночные местечки, где, очевидно, цены на зерно были повыше. Иногда они просто нанимали одного или двух бедняков, выдавали им документы на вымышленное имя, а те продавали это зерно и отдавали им вырученные деньги. Свое зерно джентри продавали не квартерами (1 квартал = 290 л), а бушелями (1 бушель в среднем = 36,3 л). Таким образом, они искусственно поддерживали нехватку зерна на рынках, чтобы на следующий рыночный день можно было бы поднять на него цену. Гаррисон сожалеет, что теперь чиновники не исполняют тщательно своих обязанностей. «Рыночные клерки так горды, – пишет он, – что для них меры то малы, то велики, и не уходят без взятки». Таким образом, он отмечает факт активного участия в рыночной торговле как джентри, так и крестьян, отмечая нюансы в их торговле зерном²⁹.

Как видно, крестьяне, желавшие продать свое зерно вскоре после уборки урожая, так как им необходимо к установленному сроку уплатить ренту лендлордам, не могли в полной мере воспользоваться простым экономическим законом: спрос – предложение – цена.

Хорошие урожаи тоже могли отрицательно повлиять на благосостояние крестьян-земледельцев и фермеров, так как они сопровождалась падением цен на зерно. В такие годы многое зависело как раз от государственной политики по регулированию экспорта зерна. Правительство Елизаветы отчасти решало этот вопрос не без некоторого успеха за счет его строгого регулирования. Тем самым оно оказывало косвенно поддержку крестьянам и фермерам, занимавшимся земледелием. Однако не всегда власти быстро реагировали на изменения конъюнктуры внутреннего рынка и запаздывали со снятием ограничений на вывоз зерна за границу. Так, например, это прослеживается в 1580-х годах и в 1592 г., когда в ряде портов Кента, Сассекса и Гэмпшира скопилось много зерна, предназначенного для экспорта, поскольку на внутренних рынках цены на него были низкими³⁰. По подсчетам А. Ивритта, во второй половине XVI в. из каждого порта королевства в среднем за год вывозилось 500 кварталов зерна, а всего по стране – 20 тыс. кварталов в год. Пик этого вывоза приходится на 1570–1600 гг. –

²⁸ The Victoria History of the Counties of England. A History of Somersetshire, v. II. London, 1906, p. 307 (далее – VHC).

²⁹ Harrison W. The Description of England. New York, 1968, p. 246–253.

³⁰ Calendar of the Manuscripts of the Most Honourable the Marquess of Salisbury, pt. IV. London, 1892, p. 196 (далее: HMC Salisb.).

для того времени довольно много для небольшой страны. Но в совокупности с действиями хлебных спекулянтов в отдельные годы это приводило к трудностям в обеспечении населения хлебом. Поэтому правительству приходилось на каждом хлебном рынке королевства, которых всего было 133, держать от 4–5 до 40–50 чиновников, наблюдавших за торговлей хлебом³¹. С одной стороны, они действительно осуществляли регулирование купли–продажи зерна, а с другой, судя по рассказу Гаррисона, создавали бюрократические препятствия для торговли им крестьянами. Возможно, всё это заставило королеву ужесточить контроль за хлебной торговлей, особенно в неурожайные годы. Так, например, в один из таких годов, 1586 г., она предписала шерифам и мировым судьям графств обследовать все имевшиеся запасы зерна у крестьян и убедить их продавать излишки зерна на местных рынках³². При этом торговля на них продолжала строго контролироваться и регламентироваться местными властями. Однако их представители позволяли себе злоупотребления, что нередко выражалось в скупке зерна у крестьян и последующей перепродаже его по завышенной цене³³. Эти и другие причины заставили правительство Елизаветы ввести новые правила на вывоз зерна за границу. Парламентский статут 1593 г. разрешал экспорт зерна лишь в случае, если на внутренних рынках его цена не превышала установленного законом уровня³⁴. Было также аннулировано право местных властей регулировать экспортную торговлю зерном. Однако вряд ли для крестьян всех графств это было выгодно, ибо за усредненными статутными цифрами стоимости зерна на внутреннем рынке, при которых его разрешалось вывозить за границу, кроется достаточно широкое колебание цен на него по различным областям королевства. В идеале интересам крестьян и фермеров в большей мере отвечали свободная торговля зерном на местных рынках и контроль со стороны государства лишь за перекупщиками зерна, но в полной мере законодательство этого не предусматривало.

О важном значении государственного контроля за торговлей зерном свидетельствует издание в 1587 г. так называемой “Книги приказов”, в которой обобщалась практика регулирования властями торговли зерном и хлебопродуктами, а Н. Грас считал этот документ вершиной патернализма государства в хлебной торговле³⁵. Однако важно то, что в этом официальном документе по сути дела были сформулированы государственные принципы регулирования в этой важнейшей сфере экономики. Впоследствии “Книга приказов” переиздавалась в неурожайные 1594, 1608, 1622 и 1630 гг., что само по себе свидетельствует о ее практической значимости для правительства как Елизаветы, так и первых Стюартов, которые, по существу, следовали в этом вопросе в русле юридических и административных мер, разработанных своими предшественниками³⁶. Эти принципы состояли из 33 пространных пунктов. Они сводились к тщательной до мелочей регламентации не только торговли зерном на рынках, но и к переработке его пекарями, пивоварами и т.п. В них подробно расписывались деятельность местных властей в регулировании торговли зерном на рынках, а главное – деятельность по обеспечению бесперебойного снабжения рынков зерном и контроль за рыночными ценами. В этом плане даже предусматривались меры принудительного порядка в отношении производителей зерна, в том числе крестьян и

³¹ Everitt A. Op. cit., p. 524, 493.

³² Gras N.S. Op. cit., p. 237.

³³ English Economic History. Selected Documents. London, 1915, p. 374–380 (далее – ЕЕсН Sel.).

³⁴ SR, v. IV, 35 Eliz., C. 5.

³⁵ Gras N.S. Op. cit., p. 236, 241–242. Современники достаточно хорошо понимали взаимосвязь процесса огораживаний и роста цен на хлеб (см. НМС Salisb., pt. VII, p. 497–498). Прокламации о хлебной торговле и “Книга приказов” предназначались именно для сельской местности, так как в городах вопросами регулирования хлебной торговли занимались городские власти (см. Youngs F.A. The Proclamations of the Tudor Queens. Cambridge, 1976, p. 120).

³⁶ Ф. Янгс полагал, что ее переиздание в 1594 г. было предпринято под давлением многих предложений с мест (Youngs F. Op. cit., p. 116).

фермеров по поставкам зерна на рынки и т.п.³⁷ В целом такие меры по регулированию торговли зерном не могли отвечать интересам крестьян хлебопроизводящих регионов, ибо могло подтолкнуть их к переориентации хозяйственной деятельности с зернового производства на скотоводство и т.д.

Между тем в последние годы правления Елизаветы правительство продолжало проводить жёсткую регламентацию в торговле зерном на внутренних рынках и оказывать административное воздействие на всех производителей зерна, включая крестьян и фермеров, через мировых судей, шерифов графств и рыночных клерков. В эти годы немало спекулянтов зерном было оштрафовано на достаточно крупные суммы. Так, некоего Ф. Паркера в 1597 г. присудили к уплате 500 ф.ст. и заключили в тюрьму, а других нарушителей, помимо тюремного заключения, подвергли штрафу в 240 ф. ст. Часть штрафа по традиции отчислялась в пользу бедных³⁸. Однако крупные хлеботорговцы из числа джентри по-прежнему скупали зерно у крестьян на корню или вне хлебных рынков, о чем прямо упоминалось в королевских прокламациях в 1595, 1596 гг. и в переписке Тайного совета с шерифами и мировыми судьями графств³⁹.

Кроме того, возникла еще одна острая проблема, связанная с торговлей зерном, — это начавшаяся массовая его переработка на крахмал и для производства пива. Как и во многих других отраслях производства, здесь тоже существовала система монополий. Впервые на производство крахмала она была введена Елизаветой в 1588 г.⁴⁰ На этом неплохо наживались джентри и буржуазия. Интересно, что в течение 1594–1598 гг. Елизавета предоставила ряд патентов исключительно по финансовым соображениям, надеясь получить от этого солидное пополнение казны, хотя формально одним из мотивов их выдачи было намерение кабинета установить более жесткий контроль над производством крахмала из зерна⁴¹. Хотя правительство и пыталось регулировать эти виды предпринимательства с помощью патентов, но это не дало положительных результатов. Видимо, часть крестьян тоже пыталась заниматься производством крахмала и пива. Однако в начале правления Якова I Стюарта особой прокламацией им было запрещено производить крахмал⁴².

В последнее десятилетие правления Елизаветы крестьяне столкнулись с еще одной проблемой: правительство возложило на них поставку зерна и другого продовольствия для королевского двора и английских солдат в Ирландии. Причем все это зерно они должны были поставлять по ценам ниже рыночных. По сути дела устанавливалась своеобразная крестьянская повинность в пользу государства. В источниках она фигурирует под термином “композиция”. Так, например, при средней стоимости одного квартера зерна в 1596 г. около 40–50 шиллингов на рынках Герефордшира крестьяне этого графства должны были поставлять его в счет “композиции” по цене 6 шиллингов 8 пенсов за квартал. Причем их обязывали поставить 400 кварталов зерна по этой цене⁴³. Таким образом, они поставляли его в 6–7 раз дешевле рыночной цены. О тяжести для крестьян выполнения “композиции” свидетельствуют и другие источники⁴⁴. Также это прослеживается по материалам мирового судьи Норфолка Н. Бэкона, где отмечены факты крестьянских поставок в четырех сотнях графства пшеницы, овса, цыплят для королевского двора по низким закупочным ценам на протяжении 1589–1591 гг.⁴⁵

³⁷ *Gras N.S.* Op. cit., p. 237–240.

³⁸ *The Elizabeth Journals; being a Record of Those Things Most Talked of During The Years 1581–1603.* New York, 1939, p. 214 (далее – *Eliz. Journ.*).

³⁹ *Eliz. Journ.*, p. 205; *TSP*, v. I, p. 99–100; *Acts of Privy Council of England*, v. 25, *Nedeln/Liechtenstein*, 1974, p. 8, 25, 181; v. 26. *Nedeln/Liechtenstein*, 1974, p. 152–153, 226–227 (далее – *APC*).

⁴⁰ *Youngs F.A.* Op. cit., p. 146–147.

⁴¹ *HMC Salisb.*, pt. VI. London, 1895, p. 247, pt. IV, London, 1892, p. 556.

⁴² *Thirsk J.* *Economic Policy and Projects.* Oxford, 1978, p. 88–89.

⁴³ *HMC Salisb.* Pt. VI, p. 246–247.

⁴⁴ *Ibid.*, pt. VII. London, 1899, p. 156–157.

⁴⁵ *The Official Papers of Sir Nathaniel Bacon of Stiffkey, Norfolk as Justice of the Peace 1580–1620.* London, 1915, p. 66 (далее – *Papers...*)

Особенно в тяжелом положении оказывались крестьяне тех графств, которые должны были поставлять продовольствие для двора в первую очередь⁴⁶. Случалось, что они отправляли жалобы на королевских заготовителей продовольствия в парламент. Однако Тайный совет, о чем позволяет судить случай с Норфолком, не налагая каких-либо ограничений на последних, предписывал мировому судье, с привлечением к этому делу “четырех или шести состоятельных людей в каждом церковном приходе”, расследовать размеры крестьянских поставок в счет “композиции” и выяснить имена королевских заготовителей продовольствия⁴⁷. Проводил ли Тайный совет впоследствии какое-либо расследование по этому и подобным случаям – неизвестно. Кстати, материалы Н. Бэкона дают возможность иметь некоторое представление о местных продовольственных рынках. Они свидетельствуют о сложной и многообразной его деятельности по решению многих вопросов торговли продовольственными товарами на рынках графства. Лондонские власти требовали от него не только регулировать цены на продовольствие, но и подробно информировать их о состоянии продовольственного рынка в Норфолке. Так, например, в одном из документов, подготовленном Бэконом для отправки в Тайный совет, содержались сведения почти по 30 церковным приходам графства о количестве фермеров, наличии у них различных видов зерна и количестве акров земли, засеянных зерновыми культурами⁴⁸. Кроме того, этот мировой судья, судя по документам, был своего рода посредником между центральной властью и местными торговцами зерном, которые подчас не без его поддержки добивались для себя некоторых послаблений в торговой деятельности. В одном документе, датированном 1607 г., есть сведения о личном вмешательстве Бэкона в регулирование цен на рынках графства по просьбе жителей г. Линна⁴⁹. Что могло заставить горожан обратиться к нему по этому вопросу? Скорее всего, они были недовольны работой своих рыночных клерков. Бэкону приходилось регулярно отправлять в Лондон иностранные отчеты о состоянии продовольственного рынка в графстве, включая сведения о лицах, имевших лицензии на право внутренней и внешней торговли продовольствием.

Если мировые судьи других графств, подобно Бэкону, систематически предоставляли в Тайный совет такие же подробные данные о продовольственном рынке в своих графствах, то, надо полагать, центральная власть была осведомлена о ситуации с продовольствием на местах до мельчайших подробностей. Не случайно английские монархи в это время довольно живо реагировали, посредством издания прокламаций и принятием парламентских статутов, на всякие изменения, происходившие на продовольственном рынке страны в связи с неурожаем, ростом цен, распространением спекуляции и т.п. Это подтверждается и материалами Тайного совета, которые также свидетельствуют, что этот орган власти неустанно следил за ситуацией на продовольственном рынке страны посредством постоянного контакта с местными властями. С этой целью регулярно рассылались шерифам и мировым судьям как личные, так и циркулярные послания⁵⁰. Например, в 1597 г., когда после нескольких неурожайных лет в стране, наконец-то, созрел хороший урожай зерновых, Тайный совет сразу же отправил циркулярное письмо шерифам и мировым судьям ряда хлебопроизводящих графств, в котором говорилось об опасности действий хлебных спекулянтов, которые, “как волки и ненасытные жадины”, стремятся поднять цены на хлеб посредством скупки зерна и другого продовольствия. Поэтому местным властям разрешали пре-

⁴⁶ HMC Salisb., Part VI, p. 246–247.

⁴⁷ Papers..., p. 65.

⁴⁸ Supplementary Stiffkey Papers. London, 1936, p. 6.

⁴⁹ Ibid., p. 156–157.

⁵⁰ Как показала О.В. Дмитриева, лорд-канцлер У. Бёрли придавал важнейшее значение подбору мировых судей и иных чиновников местной администрации. – *Дмитриева О.В.* В поисках надежного мирового судьи: чистка местной администрации в елизаветинской Англии. – Средние века, вып. 58. М., 1995, с. 48–68.

следовать их даже на имунитетных территориях⁵¹. Объективно такая позиция Тайного совета отвечала интересам крестьян и могла оградить их от перекупщиков зерна. Но всё же многое зависело от способности и желания местных властей активно бороться со спекулянтами-перекупщиками зерна. Так, очевидно, в те годы местные власти в целом не смогли переломить негативную тенденцию в сфере торговли зерном и хлебопродуктами и оградить крестьян от крупных спекулянтов. Оптовая скупка зерна с последующей его перепродажей продолжалась. К тому же плохие погодные условия зимой–весной 1599–1600 гг. вызвали опасения о возможном неурожае зерновых летом 1600 г.⁵² Поэтому была издана очередная королевская прокламация о торговле зерном и хлебопродуктами, в которой вновь местные власти призывались к борьбе с перекупщиками зерна у крестьян и т.п.⁵³ В то же время правительство продолжало контролировать торговлю зерном на хлебных рынках через местные власти и рыночных клерков. Последние, согласно прокламации 1600 г., обязаны были периодически вывешивать на рынках сведения о ценах на хлеб и следить, чтобы никто из его покупателей не платил больше установленной цены. Но вряд ли такая регламентация цен устраивала крестьян, продававших зерно на рынках. Однако для крестьян, не имевших своего зерна и покупавших его, такое положение было выгодным. То же можно сказать и о городских низах.

Правительство Якова I Стюарта ужесточило регламентацию торговли зерном и хлебопродуктами, распространив ее на сферу производства пива, солода, выпечку хлеба и т.п. А в отношении производства крахмала из зерна правительство Якова I усложнило порядок выдачи лицензий, а иногда вообще вводило запрет на его изготовление из зерна⁵⁴. Тем не менее, вопреки королевским прокламациям, производство крахмала из зерна продолжалось, о чем опять-таки свидетельствует переписка Тайного совета с местными властями. Нарушителями преимущественно были бакалейщики, торговцы шелком и т.п.⁵⁵

Первые Стюарты, продолжая отдавать приоритет законодательному регулированию продовольственного рынка, издавали пространные прокламации, регламентирующие производство и торговлю самых различных видов продовольственных товаров (зерно и хлеб, мясо-молочные продукты, солод, крахмал). Особенно большое место в них отводилось регламентации производства и торговли пивом. В то же время от крестьян по-прежнему требовалось поставлять зерно на рынки по “разумным ценам”⁵⁶. Однако во времена хороших урожаев на зерновые культуры крестьяне и фермеры были особенно недовольны жёстким государственным регулированием торговли хлебом. Так, маркиз Д’Юэз отмечал, что при хорошем урожае и вызванных им изобилии и дешевизне зерна “все фермеры-земледельцы ропшут на это изобилие и дешевизну, а бедный люд как раз рад”⁵⁷.

Правительство Якова I и Карла I Стюарта в основном следовали в вопросе регулирования торговли хлебом и хлебопродуктами правилам, которые были определены еще в елизаветинской “Книге приказов”.

В 1630 г. в ряде регионов королевства случился неурожай на зерновые культуры и как следствие этого рост цен на них, нехватка хлеба для многих малоимущих людей и даже голод. В этих условиях кабинет Карла I был вынужден принимать определенные меры по стабилизации положения на хлебных рынках. Как обычно, в такой обстановке

⁵¹ APC, v. 27. Nedeln – Liechtenstein, 1974, p. 359–361.

⁵² Last Eliz. Journ., p. 86.

⁵³ TSP, v. I, p. 103.

⁵⁴ Stuart Royal Proclamations. v. I. Oxford, 1973, p. 163–166, 186–189, 250–252 (далее – SRP); Calendar of State Papers. Domestic series, v. IX. 1858, p. 53, 184, 394, 515 (далее – CSPD).

⁵⁵ APC, v. 25, p. 49, 197, 204, 218, 258, 420 etc., v. 26, p. 465 etc.

⁵⁶ SRP, v. I, p. 563.

⁵⁷ The Autobiography and Correspondence of Sir Simonds D’Ewes During the Reign of James I and Charles I, v. I. London, 1845, p. 180.

последовало издание королевских прокламаций (от 13 июня и 28 сентября 1630 г.), в которых подробно расписывалось, какие меры должны принять местные власти в сложившейся ситуации. Кроме целого комплекса административных мер со стороны местных властей в них предусматривались и меры юридического характера, которые осуществлялись разъездными королевскими судьями, а также высшими судами королевства⁵⁸. В какой-то мере эти директивы Тайного совета выполнялись местными властями, разъездными королевскими судьями и высшими судами королевства. Так, например, по протоколам суда Звездной палаты за 1631 г. можно проследить несколько случаев разбирательств по делам торговцев зерном, нарушивших королевское законодательство⁵⁹.

Первое дело о торговле зерном рассматривалось по обвинению некоего торговца Арчера из Эссекса. А второе – дело семи торговцев зерном из Норфолка. Если Арчер из Эссекса являлся, по всей видимости, типичным представителем торговой буржуазии, то среди семи нарушителей из Норфолка один был йоменом и один джентльменом, т.е. представителем нового дворянства. В суд Звездной палаты их дела попали по представлению разъездных королевских судей, которые рассматривали предварительно их нарушения на своих четвертных сессиях в графстве. Заметим, что привлечение к суду лишь одного из представителей джентри не означает, что они меньше других социальных слоев участвовали в торговле продовольствием. Об активном участии джентри в рыночной торговле продовольствием в 1570-х годах писал в своем трактате У. Гаррисон⁶⁰. А в расходной книге джентри из Йоркшира Г. Беста неоднократно упоминается о его значительных поставках на местные рынки различных видов зерна, овец, свиней, молочной продукции и даже фруктов⁶¹. То же самое можно видеть и на примере хозяйства джентри из Кента Н. Тоука⁶², а также и по материалам титулованного дворянского семейства Лаутеров из Камберленда⁶³. От продажи своей сельскохозяйственной продукции они ежегодно получали сотни фунтов стерлингов.

Что же касается судебного разбирательства в 1631 г., то суд признал всех торговцев виновными в крупном нарушении королевских распоряжений и общего права. При этом было отмечено, что они нарушили как прошлые елизаветинские статуты, так и законодательство Якова I и Карла I. Таким образом, они признавались судом виновными в росте цен на хлеб и его дефиците, из-за чего, по мнению судей, и распространился голод среди бедняков. В итоге каждого из них оштрафовали на 100 ф.ст. При этом суд отметил, что “такой вердикт будет примером для подобных дел в четвертных судах”⁶⁴. Интересно, что в ходе разбирательства один из членов суда пытался добиться смягчения приговора одному из торговцев на том основании, что он не скупал хлеб, но лишь продавал его вне рынка. Однако остальные судьи не стали делать исключение для него. Все обвиняемые, несмотря на некоторые различия в их практике торговли зерном, получили одинаковое наказание. Суд не стал вдаваться в специфику их деяний и нарушений хлебного законодательства. По всей видимости, такой вердикт носил показательный характер для всех торговцев хлебопродуктами в королевстве.

Эти случаи расследований дел о нарушениях королевского законодательства торговли зерном свидетельствуют о том, что далеко не всегда местные власти и разъездные королевские судьи доводили дела до высших судов королевства. В то же время можно видеть, что дела, которые всё-таки попадали в суд Звездной палаты, рассматри-

⁵⁸ SRP, v. II, p. 352.

⁵⁹ Report of Cases in the Court of Star Chamber and Hight Commission. London, 1886, p. 43–49, 82–89.

⁶⁰ *Harrison W.* Op. cit., p. 247–248.

⁶¹ См.: *Rural Economy in Yorkshire in 1641 being the Farming and Account Books of Henry Best.* Edinburgh, 1857.

⁶² *The Account Book of a Kentish Estate 1611–1704.* London, 1927.

⁶³ *Lowther Family Estate Books, 1617–1675.* Gateshead, 1979.

⁶⁴ *Ibid.*, p. 88–89.

вались во многом предвзято и с явно обвинительным уклоном, а штрафы на торговцев зерном налагались слишком высокие. Фактически их наказывали крупным штрафом лишь за то, что они стремились максимально выгодно для себя продать зерно. Подобные вердикты суда Звездной палаты неизбежно настраивали против него, а значит, и королевской власти торговцев хлебом из числа йоменов, джентри и купцов.

Многие черты государственной политики в отношении огораживаний, где практиковался законодательный вид регулирования, осуществлявшийся с помощью расследований нарушений законов специальными комиссиями⁶⁵, судами, налагавшими штрафы на злостных огораживателей, прослеживаются и в аналогичном виде регулирования продовольственного рынка правительствами Тюдоров и первых Стюартов. Здесь также использовали излюбленный способ регулирования внутренней и внешней торговли продовольственными товарами в чрезвычайных случаях посредством специальных королевских комиссий. В то же время повседневный контроль за торговлей продовольствием осуществлялся на местах исключительно усилиями рыночных клерков и местных должностных лиц, которые хорошо знали всех потенциальных торговцев и покупателей, что и отметил в соответствующем разделе своего трактата У. Гаррисон⁶⁶. Мировые судьи преимущественно занимались отслеживанием размеров посевных площадей под зерновые культуры, имевшихся на данный момент запасов зерна у джентри, фермеров и крестьян, динамикой поступления продовольственных товаров на местные рынки, ценами на зерновые и информировали обо всем этом Тайный совет.

Законами категорически запрещалась всякая внерыночная торговля продовольствием, особенно зерном.

Следует отметить, что на продовольственном рынке королевства в изучаемый период еще не существовало абсолютной свободной торговли. Ограничения начинались уже с необходимости лицензирования производства и торговли продовольствием и далее касались уровня цен, места и времени торговли, порядка торговли зерном и т.д. Так, например, в первые часы начала рыночной торговли приоритет отдавался покупателям из числа бедняков. В еще большей мере ограничения касались производства и торговли пивом. Здесь также использовался законодательный метод регулирования. Государство более активно вмешивалось в этот сегмент продовольственного рынка, регулируя количество пивных заведений на местах, объем его производства и продажи, цены и даже крепость пива. Основными способами регулирования в этой сфере были лицензии и административные действия властей⁶⁷.

Значительные ограничения свободной торговли были в экспортной торговле продовольствием, особенно зерном, что прежде всего было связано с обязательным наличием лицензий у торговцев, в которых оговаривался срок их действия, разрешенный объем вывоза продовольственных товаров, указывались порты, из которых им разрешался вывоз, и некоторые другие технические моменты. Законодательство предусматривало право короны в любой момент вообще запретить вывоз зерна за границу в связи с неурожаем, ростом цен на внутреннем рынке и т.п. Источники свидетельствуют, что именно так и происходило с торговлей зерном в неурожайные годы. Но в

⁶⁵ Такие комиссии обследовали огораживания пахотных земель в 1517–1518, 1549, 1565, 1607, 1630–1631, 1636 гг. Самое масштабное обследование было проведено в 1517–1518 гг. (подробнее см. Семёнов В.Ф. Указ. соч., с. 111–119, 152–215).

⁶⁶ *Garrison W.* Op. cit., p. 246–253.

⁶⁷ *Court of Assize. Calendar of Assize records. Hertfordshire Indictments.* London, 1975, p. 384; *Court of Assize. Calendar of Assize records. Sussex Indictments.* London, 1975, p. 54, 87, 188, 279, 280, 292 etc.; *VHC, Darham, v. II.* London, 1907, p. 235; *VHC, Bedfordshire, v. II.* London, 1908, p. 95. *VHC, Sussex, v. II, London.,* 1973, p. 195; *CSPD, v. IX,* p. 548, 484; *CSPD of Reign of Charles I, v. IV.* London, 1860, p. 558; *Western Circuit Assize, Orders 1629–1648. A Calendar.* London, 1976, p. 15, 30, 39, 52, 72–73, 184 etc.; *Bedfordshire, v. II.* London, 1908, p. 95; *VHC, Sussex, v. II.* London, 1973, p. 195.

годы его изобилия и дешевизны на внутреннем рынке многие ограничения снимались, и свободы в торговле зерном становилось больше.

Каких-либо серьезных отличий в регулировании продовольственного рынка при Тюдорах и первых Стюартах по источникам не прослеживается. Сложившаяся практика регулирования при Тюдорах имела свое продолжение и при первых Стюартах, с той лишь разницей, что на уровне законодательства регулирования прослеживается значительно большая детализация в регламентации торговли, применялись более интенсивные административные способы, а также предпринимались попытки экономического способа регулирования зернового рынка посредством создания сети зернохранилищ в графствах, чтобы в случае неурожая осуществлять интервенцию зерна на рынки с целью сдерживания роста цен⁶⁸. Однако эти попытки, по мнению Н. Граса, не увенчались успехом, поскольку затрагивали интересы многих слоев английского общества. Большие запасы зерна удавалось сконцентрировать лишь в лондонском зернохранилище⁶⁹. Неудачу этого способа можно объяснить еще и отказом крестьян и фермеров свозить зерно в хранилища по ценам ниже рыночных, как того хотело правительство. Да и местные власти явно не горели желанием заниматься столь хлопотным делом.

Несмотря на превалирование в политике английской монархии законодательного метода регулирования продовольственного рынка с помощью юридических и административных мер, явно феодальных по своей сути, она всё же в целом давала положительный экономический и социальный эффект. В этот период в Англии не имели места абсолютные голодовки даже в неурожайные годы, не было каких-либо значительных форм социального протеста по этой причине, за исключением отдельных небольших краткосрочных локальных волнений с числом участников от нескольких десятков до 500–600 человек, которые нападали на транспорт с продовольствием, мельницы, амбары фермеров и т.п.⁷⁰ Однако, с другой стороны, такой политикой вряд ли были довольны определенные круги буржуазии и нового дворянства, связанные с торговлей на продовольственном рынке королевства, что в итоге могло повлиять на рост их оппозиционного настроения по отношению к абсолютистскому режиму Стюартов в канун революции середины XVII в.

⁶⁸ CSPD, v. IX, p. 91; APC, v. 36. London, 1929, p. 127.

⁶⁹ *Gras N.* Op. cit., p. 248–250.

⁷⁰ Дж. Уолтер, исследовавший различные мятежи в Англии, насчитал 20 мятежей за период с 1585 по 1607 г. и около 40 за период с 1608 по 1639 г. (см. *Walter J.* The Geography of Food Protests, 1585–1649. – An Atlas of Rural Protests in Britain, 1548–1900. London, 1983, p. 72–76).